В. В. Рыбин

ОСОБЕННОСТИ ИНТОНАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются проблемы соотношения мелодики фраз и музыкального ударения в японском языке, паузации и интенсивности в зависимости от темпа речи, а также логического ударения отдельных фонетических слов.

Ключевые слова: интонация, музыкальное ударение, пауза, пунктуация, интенсивность, фразовое и логическое ударение.

V. Rybin

PECULIARITIES OF INTONATION IN MODERN JAPANESE

The article deals with Japanese intonation. Some problems of correlation of pitch-accent and melody especially in sentence (or phrase), rhythm and tempo, sentence stress and intensity are dealt with in the article. Some recent experimental data are observed and analyzed in it, too.

Keywords: intonation, melody, pitch-accent, pause, sentence stress, intensity, rhythm.

Нечего и говорить о том, что любой язык передается от поколения к поколению главным образом в устной форме. Некогда Л. Р. Зиндер писал и говорил, что «чисто письменная форма речи это фикция. Пока речь зафиксирована в оптических знаках и не воспринимается человеком, она остается мертвой материей. Подлинной речью она становится лишь тогда, когда имеет место акт коммуникации, когда он читается, т. е. когда он хотя бы мысленно озвучивается» [4, с. 21]. Однако в японской лингвистике исторически в первую очередь внимание уделялось письменным текстам. Обращение к звучащей речи было довольно редким явлением, хотя, в конечном счете, именно звучащая речь наиболее реально передает то, что невозможно передать с помощью письменных знаков. Конечно же, это связано с просодическими (супрасегментными) явлениями. Рассуждая об интонации в устной и письменной русской речи, Н. В. Черемисина замечает, что «в письменной речи фиксируются отнюдь не все особенности и нюансы интонации. Здесь нет прямых обозначений высоты основного тона, длительности и силы звучания, отсутствуют указания на тембр речи» [15, с. 7].

Сказанное выше может быть отнесено практически к любому языку. Достаточно просто эти постулаты, отнесенные к японскому языку, можно проиллюстрировать с помощью ряда японских междометий, состоящих только из гласных, например, /a/ или /e/. В зависимости от длительности и движения голосового тона, /a/ может указывать: на ответную реакцию собеседника в знак согласия с услышанным (довольно длительное, **а** с повышением частоты основного тона (ЧОТ) ближе к концу звучания и последующим ее понижением), на удивление (краткое восклицательное **а**, завершающееся повышением ЧОТ), на выражение приятного эмоционально-

го состояния от полученного, скажем, вкусового ощущения — глоток прохладительного напитка в жаркую погоду (длительное междометие на относительно высоком уровне голосового тона) и на выражение физического усилия и напряжения (**а**, произносимое довольно длительно на низком уровне голосового тона).

Похожую картину мы наблюдаем и с междометием /е/: краткое восклицание (с повышением голоса) служит для передачи удивления, средне-продолжительное — для выражения согласия, а продолжительное /**е**/ с нисходяще-восходящим рисунком движения ЧОТ — для передачи сильного (эмоционально более окрашенного) удивления.

Об этом свидетельствуют как личные наблюдения автора, так и сведения, встречающиеся в фонетической литературе, связанной с японской просодикой [16].

Исходя даже только из этого, можно говорить о том, что языковой код письменной речи передает в определенном смысле меньше информации, чем код устной речи. Вероятно, в любом языке просодические вариации, наблюдаемые в одинаковых сегментных цепочках, ведут или могут вести к изменению их семантики. Совершенно очевидно, что интонация напрямую связана и со звуковой, материальной, сущностью языка, и с содержательной, семантической, функцией языкоречи.

Анализируя функции интонации и, со ссылкой на Ф. Данеша, определяя первичной из них «превращение слов (назывных единиц) в высказывания (коммуникативные единицы)», Н. Д. Светозарова отмечает: «Интонация — наиболее обычное, простейшее и всегда присутствующее средство создания высказывания. В изолированном высказывании интонация объединяет его элементы. В связном отрезке речи она, кроме того, отделяет высказывания друг от друга. Другая первичная функция интонации — сигнализировать о соотношении темы и ремы» [14, с. 15].

Этот же автор для доказательства значимости интонации предлагает воспользоваться следующим приемом. «Представим себе искусственную (синтезированную) речь, полностью лишенную интонации. Именно такой бывает речь на начальной стадии разработок систем синтеза. Понимать ее трудно, звучит она монотонно и неестественно. Более того, целый ряд значений (вопросительность, логическое подчеркивание) в ней либо вообще не передается, либо передается, но для этого приходится использовать нетипичные для естественного языка средства (вопросительные частицы, особенные обороты)» [14, с. 17].

Как будто бы ясно, что просодика образует в определенном смысле особую систему в рамках фонологического компонента языка. Каждый отдельный язык имеет собственный набор компонентов, входящих в данную систему.

Ю. А. Клейнер отмечает, что традиционный подход к просодике восходит к греческим грамматистам и что в результате определяет и подход к ней как к особенностям речи, «которые сопутствуют основной артикуляции и не выделяются при членении речевой цепи на фонемы, но, как считается, как бы налагаются на них сверху: ударение, долгота, тон, интонация и т. п.» [7, с. 3].

Со ссылкой на Р. Бэннет Т. М. Николаева пишет о том, что при определенном подходе интонация прямо объявляется ключом коммуникации и ее центром, «первым (первичным) уровнем языкового моделирования» [8, с. 6].

Здесь же автор справедливо отмечает, этому down top принципу следуют и В. Б. Касевич, и его соавторы в книге «Ударение и тон в языке и речевой деятельности» [6]. Естественно, все сказанное относится и к японскому языку, вполне специфическому с точки зрения его просодической системы.

Заметим, что первые работы по **японской акцентуации**, которая является **мелодической** по своей сути и важным компонентом интонации в широком смысле, начал заниматься еще в начале XX века в России Е. Д. Поливанов, прибегая не только к наблюдениям, но и к экспериментальным методам [10; 11]. В своих публикациях Е. Д. Поливанов говорил о том, что японская акцентуация является самым трудным вопросом японской фонетики.

В отечественном японоведении в области **интонации** первые исследования были проведены Т. М. Гуревич. Внимание этого автора было в основном сконцентрировано на интонации коммуникативных типов высказываний — повествование, восклицание (повеление) и вопрос. Ее исследование базировалось и на экспериментальных данных, полученных при анализе записей двухсложных (двуморных) высказываний с одинаковым сегментным составом, но отличающихся по их коммуникативной нагрузке. Основной вывод работ Т. М. Гуревич в рассматриваемом контексте можно охарактеризовать так: интонация (мелодика) никогда не играет подавляющей роли по отношению к музыкальному ударению в японском языке. Этот автор приходит к заключению о влиянии интонации на акцентно-ритмическую структуру слова в повествовательных и вопросительных предложениях: «во всех случаях наблюдалось взаимодействие интонации и словесного ударения, проявляющееся по-разному для слов различной структуры, причем взаимодействие всегда обоюдное и никогда — подчиняющее» [2, с. 43].

Важными представляются и экспериментально полученные данные этого же автора, связанные с различением коммуникативных типов предложений в современном японском языке. Т. М. Гуревич сообщает, что «акустические признаки, значимые для дифференциации вопроса от повествования, с одной стороны, и от побуждения, с другой, сосредоточены в конечной зоне звучания. Поскольку частотный уровень и тональный контур начала вопроса, побуждения и повествования почти не различаются, думается, что именно изменение частоты колебаний основного тона на конечном участке звучания позволяет аудиторам правильно отличать вопрос от повествования и побуждения» [3, с. 44–45]. Такие интонационные фигуры можно было считать интонационными конструкциями (ИК), причем различие их сконцентрировано в финальной части высказывания — в интонационном фокусе. Уже из этого видно, что просодика имеет внутрисистемные функции, которые связаны с обеспечением как конституирования, так и различения языковых единиц определенных функциональных классов [6].

В разные годы мною был выполнен ряд работ, связанных как с порождением, так и с восприятием японской акцентуации и соотношением ее с интонацией фраз, при этом учитывались и литературные данные, и полученные самостоятельно результаты экспериментов. Кратко коснемся двух из них, связанных с просодическими явлениями в современном японском языке.

В первом (1989 г.) изучалось соотношение акцентных контуров слов ти-

па **А**мэ «дождь» и а**МЭ** «тянучка (конфета)» с интонационной мелодикой в различных контекстах. Слова с интересующими нас типами акцентуации были помещены в положение, обычно определяемое как фокусное, предфокусное и послефокусное. Анализ полученных данных свидетельствует о том, что акцентуация слова очень тесно связана с интонацией (с мелодикой, в первую очередь) и зависит от его позиции в высказывании — начальной, срединной и конечной. Следует отметить, что в постфокусной позиции а**МЭ** утрачивает различие в регистре между первой и второй морами (в данном случае совпадающими с краткими слогами), а в начальной позиции и у того, и у другого слова реализуется исходная конфигурация акцентного контура, ее можно считать сильной. Эксперимент показал, что прямо или опосредованно интонация оказывает свое воздействие на акцентные характеристики фонетических слов, входящих в высказывание [14].

Другой наш эксперимент, выполненный совместно с О. С. Шабловинской (2004 г.), был посвящен изучению интонационных контуров вопросительных предложений разных видов в японском языке: общий вопрос, частный вопрос, переспрос, вопросительное высказывание с подчеркивающей выделительной частицей МО. Напомним, что, как правило, в конце японских вопросительных предложений ставится частица КА, а в частных вопросах употребляются вопросительные слова: НАНИ «что?», ДАРЭ «кто?», ДОКО «где?» и др. Из данного эксперимента представляется сделать вывод о том, что все рассмотренные типы вопросов различаются по широте полос ЧОТ, по количеству и месту расположения ее пиков.

Некоторые работы в сфере японской просодики выполнены И. С. Ибрахим. Внимание этого автора в основном сконцентрировано на наиболее сложном направлении — выражение эмотивной информации в интонации. В одном из экспериментов, связанных с восприятием силы эмоции, этот автор прибегла к оценкам соответствующих параметров японских фраз, как носителями, так и неносителями японского языка. Ибрахим пришла к заключению, что экспериментальные данные такого рода «могут быть использованы как своеобразные фильтры, позволяющие вычленить релевантную просодическую информацию в исследованиях, посвященных изучению просодических особенностей выражения эмотивной информации. Кроме того, полученные результаты позволяют сделать вывод о наличии универсальных и обусловленных конкретным языком просодических средств реализации эмоций в речи, непосредственно связанных с интонационными контурами… Результаты подобных исследований крайне востребованы как при синтезе и распознавании речи, так и в процессе обучения иностранному языку» [5, с. 211–212].

И все же проблемы интонации современного японского языка представляются мало разработанными в российском японоведении, хотя эта проблематика актуальна не только с теоретических, но и с практических позиций, т. е. при изучении и преподавании современного японского языка.

Что же включается в понятие «интонация»? Довольно часто интонацию представляют только как изменение мелодики на том или ином отрезке звучащей речи (синтагме, фразе, тексте стихотворения или песенном тексте). В действительности это понятие гораздо

шире: в него включены, наряду с мелодикой, ритм и темп речи, паузация и беспаузные стечения фонетических слов, а также так называемое логическое ударение и др.

С учетом того, что японский язык характеризуется наличием музыкального (мелодического) ударения, рассмотрение взаимодействия и соотношения мелодики интонационной с мелодикой фонетических слов, составляющих высказывание, уже само по себе чрезвычайно важно.

Допустим, мы имеем дело с высказыванием *фуруй хонъ то дзасси.* Этот пример и частично дальнейшие рассуждения заимствованы у Т. Саданобу [18, p. 124]. Данная фраза может быть интерпретирована двояко: (1) «**Старые книги** и журналы» или как (2) «Старые книги и журналы». Исходя только из сегментного состава этого высказывания, трудно судить о том, относится ли определение «старые» только к книгам или — и к книгам, и к журналам? Если говорящий имеет в виду, что только книги старые, то он выбирает один из двух вариантов акцентно-интонационного оформления этой фразы: 1) фуРУйХОнъТОо, дзаССИ, 2) фуРУйхонъТОо, дзасси, несколько удлиняя звучание сочинительного союза ТО. Если же говорится о старых и книгах и журналах, то при удлинении звучания –Ий в адъективном глаголе фуРУ**И**й, стоящем в определительной позиции, происходит и чуть большее повышение голосового тона на **И** по сравнению со слогом РУ. Последний вариант выглядит следующим образом — фуРУ**И**й, ХОнътодзасси. Конечно же, свою роль играет и пауза, обозначенная здесь запятой. Если же пауза отсутствует, то мелодика соседствующих сегментов показывает, где проходит граница между синтагмами и влияет не только на передачу, но и на восприятие смысла всей фразы.

Из приведенных выше примеров видно: мелодическое и ритмическое оформление некоего сегментного отрезка диктуется актуальным членением фразы и семантикой высказывания. При этом нельзя не отметить, что **интонация вносит свои существенные «коррективы» в правила акцентного оформления отдельно взятых фонетических слов**. Исходно их акцентные контуры в словарной форме представлены так: фуРУй, ХОнъ и дзаССИ. А акцентуация соединительного союза ТО, являющегося с акцетуационной точки зрения недоминантной морфемой (о доминантных и недоминантных (релятивных) морфемах подробнее см.: [17; 12]), подчиняется правилам сочетания с акцентным контуром предыдущей морфемы и меняется в зависимости от контекста. Здесь же в первом случае, когда определение связано только с книгами, на ТО приходится резкое повышение ЧОТ и некоторое увеличение его длительности, при этом на «приращение» длительности приходится падение голосового тона.

О чем это говорит? Каковы причины изменения мелодического оформления в этом случае?

Резко восходящая, а затем сразу же нисходящая интонация как раз и указывает на границу синтагм, что в этом случае приводит к пониманию, что определение *ФУРУЙ* относится только к книгам (*ХОНЪ*), но не к журналам (*ДЗАССИ*).

Напротив, резко восходяще-нисходящая мелодика в последнем слоге *ФУРУЙ* с некоторым увеличением длительности его звучания, пауза (или даже отсутствие ее) и сохранение исходной (словарной) акцентуации в *ХОНЪ* свиде-

тельствуют о том, что определение (*ФУРУЙ*) «обслуживает» два однородных определяемых — *ХОНЪ* и *ДЗАССИ*.

Из сказанного видно, что интонационное (в первую очередь) мелодическое оформление высказывания играет более важную роль, чем мелодика, предписываемая правилами сочетания морфем, входящих в фонетическое слово (фразему, по Старостину), меняя в зависимости от передаваемого смысла исходное акцентное оформление с резкими скачками голосового тона на определенных сегментных участках. Такие участки занимают некое центральное положение, которое «провоцируется» их функциональностью — довольно тесной связью с семантикой и грамматикой соответствующего отрезка текста. Отрезки, попавшие в определенном смысле в конфликтную ситуацию, в которой «сталкиваются» мелодика акцентного контура фонетического слова и мелодика интонационная, и длительность которых увеличивается, несколько изменяя ритмику звучания фразы, можно рассматривать как отрезки, находящиеся в интонационном фокусе. Допустимо предположить, что и интенсивность их произнесения также имеет более выраженный характер, чем в других контекстах.

Каковы причины, приводящие к такой модификации мелодики сегментных единиц? Как их трактуют различные авторы?

В своей статье Саданобу Тосиюки, рассматривая подобные примеры, приходит к выводу о том, что типичная для завершающей части японских предложений мелодика, сигнализирующая о конце высказывания, может встречаться и в срединной позиции в распространенном предложении. Это обусловлено осознанием говорящим данного фрагмента высказывания как имеющего свою смысловую нагрузку, сравнимую с целым предложением. Добавим, что это лишь один из взглядов на данную проблему.

Близкой, по сути, к очерченной выше проблеме, связанной в первую очередь с актуальным членением, выступает проблема логического ударения, которая является одним из возможных типов просодического выделения слов в высказывании дополнительно к фразовому ударению.

Т. М. Николаева изучала это явление и обозначила данное понятие, назвав его акцентным выделением. Этот автор считает, что акцентное выделение — «факт одной сферы, текстово-коммуникативной», а фразовое ударение — «собственно интонационное» [9, с. 9]. Существуют и такие взгляды, согласно которым фразовое ударение и акцентное выделение существуют параллельно друг с другом, и фразовое ударение сохраняет за собой свое привычное место.

Мы будем пользоваться более привычным для нас термином «**логическое ударение**», который соотносится с выделением наиболее существенного с точки зрения данного контекста (ситуации) слова при помощи интонационных средств. Логическим ударением может быть выделено любое слово в высказывании (фразе).

Что касается логического ударения в японском языке, то оно имеет ряд особенностей. Для выяснения их нами (совместно с О. С. Шабловинской) был поставлен эксперимент, в котором аудиторам (природным носителям японского языка) были представлены для восприятия предложения, прочитанные японцами и имеющие в своем составе логически выделенные единицы фраз (члены высказывания). В результате аудиторского анализа выяснилось, что повест-

вовательные предложения, в состав которых входят «маркированные» члены, хорошо воспринимаются в изолированной позиции (вне контекста). Более чем в 80% случаев член предложения, выделенный логическим ударением, был опознан носителями языка верно. Чем же определяется высокий процент распознавания логически выделенных словоформ?

По сравнению с акустическими параметрами, присущими интонации «обычного» повествовательного предложения, члены предложения, выделенные логически, отличаются следующим образом:

1. Средняя ЧОТ слов под логическим ударением увеличивается со 120 Гц до 150 Гц для мужского голоса и с 250 Гц до 300 Гц — для женского.

2. В амплитуде интенсивности отмечается пик, сравнимый с пиком интенсивности сегментов, находящихся в фокусе вопросительных предложений. Площадь огибающих амплитуд интенсивности повествовательных высказываний, содержащих фонетические слова, несущие логическое ударение, в среднем в 1,5 раза больше, чем в высказываниях, не содержащих логического выделения на каких-то его членах.

В систему звукового строя языка входят элементы, консолидирующие высказывания и выполняющие также делимитативную функцию.

В этой связи следует отметить, что важным для интонации как раздела, изучающего просодику того или иного языка, является рассмотрение **паузации**. Известно, что при помощи интонации производится, кроме прочего, членение речи на интонационно-смысловые отрезки (синтагмы). Чаще всего пауза определяется как перерыв в звучании или прекращение фонации на определенное (обычно довольно длительное) время. Акустическим коррелятом паузы является падение интенсивности вплоть до физического нуля, а физиологическим — остановка в работе произносительных органов, приведение их в состояние покоя. Однако эта проблема (выделение пауз и их функций) представляется весьма сложной особенно для автоматического выделения пауз. Благодаря существованию разных типов пауз (в зависимости от их длительности и сочетания с другими интонационными средствами) появляется возможность выражения различного характера связи между интонационно-смысловыми единицами.

В 2006 г. мною совместно с О. С. Шабловинской изучалась проблема паузации в современном японском языке и ее соотношение со знаками препинания. В экспериментах как по речепроизводству, так и по восприятию прочитанных текстов принимали участие носители стандартного японского языка.

Экспериментальные данные свидетельствуют, что:

1) у носителей языка нет единства при расстановке знаков препинания в прослушанном тексте;

2) есть существенное различие в количестве поставленных знаков препинания и в сделанных при чтении текстов пауз у мужчин и женщин (у мужчин — меньше, у женщин — больше);

3) ни один из испытуемых не обнаружил «ложных» запятых, делая при этом более чем в половине случаев паузу при чтении;

4) при беглом прочтении текста без расставленных в нем знаков препинания испытуемые демонстрируют достаточную свободу при выборе мест как для паузы, так и для знаков препинания, однако процент знаков, расставленных самостоятельно, значительно ниже, чем в оригинальном тексте.

Выше мною были затронуты лишь некоторые аспекты японской интонологии, которая должна занимать соответствующее ей положение в лингвистике текста, являющейся одной из главнейших и перспективных задач исследования японского языка. Л. Р. Зиндер также говорил в этой связи о значимости фонетики: «Лингвистика текста… не может обойтись без анализа фонетико-фонологических средств организации рассматриваемых ею сложных речевых произведений» [4, с. 21].

Изучению японского языка с позиций лингвистики текста посвятила свою недавнюю монографию И. И. Басс, в которой она упоминает А. А. Холодовича, писавшего в 1960 г., что «организация текста — это проблема, которая еще ждет специальных исследований», и здесь же сама делает стратегически важное замечание: «Выделение лингвистики текста в особую дисциплину, огромный интерес к исследованиям японского текста в Японии дает новый импульс для развития этой области японского языкознания и в России» [1, с. 8–9].

Следует добавить, что в Японии набирают обороты исследования, связанные с компьютерными технологиями и, в частности, в области корпусной лингвистики, в сферу которой включены как синтез, так и распознавание речи [19]. В этой связи очевидными становятся задачи и для российских японоведов, занимающихся важными проблемами японской фонетики в целом и интонацией в японском языке, в частности. Все это важно и с точки зрения преподавания современного языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Басс И. И.* Проблемы современного японского языкознания: Лингвистика текста. СПбГУКИ, 2004. 371 с.

2. *Гуревич Т. М.* Влияние интонации на акцентно-ритмическую структуру слова в японском языке // Вопросы японской филологии. Вып. 3. М., МГУ, 1975. С. 38–43.

3. *Гуревич Т. М.* К вопросу об интонационной дифференциации некоторых коммуникативных типов предложений японского языка // Вопросы японской филологии. Вып. 2. М., МГУ, 1973. С. 37–45.

4. *Зиндер Л. Р.* Лингвистика текста и фонология // Тезисы докладов научно-методической конференции «Просодия текста». М., МГПИИЯ им. М. Тореза, 1982. С. 19–22.

5. *Ибрахим И. С.* Особенности восприятия эмотивной информации в неродном языке // Вестн. С. -Петерб. ун-та. Сер. 9. 2008. Вып. 4. Ч. II. С. 209–212.

6. *Касевич В. Б., Шабельникова Е. М., Рыбин В. В.* Ударение и тон в языке и речевой деятельности. Л., ЛГУ, 1990. 246 с.

7. *Клейнер Ю. А.* Проблемы просодики. СПб., СПбГУ, 2002. 112 с.

8. *Николаева Т. М.* Просодия Балкан. Слово — высказывание — текст. М., Индрик, 1996. 350 с.

9. *Николаева Т. М.* Семантика акцентного выделения. М., Наука, 1982. 104 с.

10. *Поливанов Е. Д.* К работе о музыкальной акцентуации в японском языке (в связи с малайскими) // Статьи по общему языкознанию. М., Наука, 1968. С. 146–155.

11. *Поливанов Е. Д.* Музыкальное ударение в говоре Токио // Известия Императорской Академии наук. Серия VI. 1915. Т. IX. № 15. С. 1617–1638.

12. *Рыбин В. В.* Морфема и ударение в современном японском языке // Материалы V Международной конференции по языкам ДВ, ЮВА и Западной Африки. СПб., СПбГУ, 1999. С. 58–62.

13. *Рыбин В. В.* О взаимодействии акцентно-ритмической структуры слов и интонации в современном японском языке // Материалы научной конференции Восточного факультета, посвященной 275-летию Санкт-Петербургского университета. СПб., СПбГУ, 1999. С. 41–43.

14. *Светозарова Н. Д.* Интонационная система русского языка. Л., ЛГУ, 1982. 175 с.

15. *Черемисина Н. В.* Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. М.: Русский язык, 1982. 207 с.

16. *Campbell N.* Exploring the Limits of ‘Meaning’ (на японском языке) // Speech and Grammar Ш. Tokyo, Kuroshio Shuppan, 2001. P. 161–182.

17. *Neustupny J. V.* Post-Structural Approaches to Language. Tokyo: University of Tokyo Press, 1978. 307 p.

18. *Sadanobu T.* Beetween Sentence and Minor Phrase: A Final Abrupt Rise of F0 in Japanese (на японском языке) // Speech and Grammar V. Tokyo, Kuroshio Shuppan, 2006. P. 107–134.

19. *Sugisaka Yo., Fujio Sh., Higuchi N.* Automatic acquisition of prosody control grammar (на японском языке) // Speech and Grammar Ш. Tokyo, Kuroshio Shuppan, 2001. P. 183–196.

REFERENCES

1. *Bass I. I.* Problemy sovremennogo japonskogo jazykoznanija: Lingvistika teksta. SPbGUKI, 2004. 371 s.

2. *Gurevich T. M.* Vlijanie intonacii na akcentno-ritmicheskuju strukturu slova v japonskom jazyke // Voprosy japonskoj filologii. Vyp. 3. M., MGU, 1975. S. 38–43.

3. *Gurevich T. M.* K voprosu ob intonacionnoj differenciacii nekotoryh kommunikativnyh tipov predlozhenij japonskogo jazyka // Voprosy japonskoj filologii. Vyp. 2. M., MGU, 1973. S. 37–45.

4. *Zinder L. R.* Lingvistika teksta i fonologija // Tezisy dokladov nauchno-metodicheskoj konferencii «Prosodija teksta». M., MGPIIJA im. M. Toreza, 1982. S. 19–22.

5. *Ibrahim I. S.* Osobennosti vosprijatija emotivnoj informacii v nerodnom jazyke // Vestn. S.-Peterb. un-ta. Ser. 9. 2008. Vyp. 4. Ch. II. S. 209–212.

6. *Kasevich V. B., Shabel'nikova E. M., Rybin V. V.* Udarenie i ton v jazyke i rechevoj dejatel'nosti. L., LGU, 1990. 246 s.

7. *Klejner Ju. A.* Problemy prosodiki. SPb., SPbGU, 2002. 112 s.

8. *Nikolaeva T. M.* Prosodija Balkan. Slovo — vyskazyvanie — tekst. M., Indrik, 1996. 350 s.

9. *Nikolaeva T. M.* Semantika akcentnogo vydelenija. M., Nauka, 1982. 104 s.

10. *Polivanov E. D.* K rabote o muzykal'noj akcentuacii v japonskom jazyke (v svjazi s malajskimi) // Stat'i po obschemu jazykoznaniju. M., Nauka, 1968. S. 146–155.

11. *Polivanov E. D.* Muzykal'noe udarenie v govore Tokio // Izvestija Imperatorskoj Akademii nauk. Serija VI. 1915. T. IX. № 15. S. 1617–1638.

12. *Rybin V. V.* Morfema i udarenie v sovremennom japonskom jazyke // Materialy V Mezhdunarodnoj konferencii po jazykam DV, JUVA i Zapadnoj Afriki. SPb., SPbGU, 1999. S. 58–62.

13. *Rybin V. V.* O vzaimodejstvii akcentno-ritmicheskoj struktury slov i intonacii v sovremennom japonskom jazyke // Materialy nauchnoj konferencii Vostochnogo fakul'teta, posvjawennoj 275-letiju Sankt-Peterburgskogo universiteta. SPb., SPbGU, 1999. S. 41–43.

14. *Svetozarova N. D.* Intonacionnaja sistema russkogo jazyka. L., LGU, 1982. 175 s.

15. *Cheremisina N. V.* Russkaja intonacija: pojezija, proza, razgovornaja rech'. M.: Russkij jazyk, 1982. 207 s.

16. *Campbell N.* Exploring the Limits of ‘Meaning’ (na japonskom jazyke) // Speech and Grammar SH. Tokyo, Kuroshio Shuppan, 2001. P. 161–182.

17. *Neustupny J. V.* Post-Structural Approaches to Language. Tokyo: University of Tokyo Press, 1978. 307 p.

18. *Sadanobu T.* Beetween Sentence and Minor Phrase: A Final Abrupt Rise of F0 in Japanese (na japonskom jazyke) // Speech and Grammar V. Tokyo, Kuroshio Shuppan, 2006. R. 107–134.

19. *Sugisaka Yo., Fujio Sh., Higuchi N.* Automatic acquisition of prosody control grammar (na japonskom jazyke) // Speech and Grammar III. Tokyo, Kuroshio Shuppan, 2001. P. 183–196.